

Крушение авторитарного социализма на пути к новой прогрессивной деятельности

Макс Неттлау

1935

В наше время несомненно существует глубокая пропасть между либертарными чаяниями и авторитарными фетишами, шарлатанами и жестокими, свирепыми людьми, которых массы во всех странах либо почитают, либо подчиняются им, либо, наконец, покорно, равнодушно и без рассуждения примиряются с ними, как с фатальной неизбежностью. Похоже на то, как будто век прогресса, начавшийся приблизительно в середине XVIII века, внезапно прекратился после почти 180-ти лет развития.

Экономический кризис и грубая сила, употребляемая против всех либерально настроенных людей, даже вместе взятые, не могут полностью объяснить это полное отречение современного человека от своих прав перед лицом возродившихся темных сил прошлого. Затруднения, бедствия, преследования обычно пробуждают силы сопротивления, пробуждают мысль, обостряют чувства человеческого достоинства. На этот раз, однако, этого не случилось, или пока еще не наблюдается в скольконибудь заметной степени. Как можно все это объяснить и что может быть сделано, чтобы помочь делу?

Продолжительное накапливание зол достигло, по-видимому, такой степени, при которой возник кризис, — кризис не экономических естественных сил, причиненный нуж-дою или катастрофами, а кризис моральных и интеллектуальных устоев. Это — кризис сил сопротивления всего общества. Природа подчинена человеку, техника достигла необычайной высоты, естественные запасы сырых материалов далеки от истощения, но морально люди слабевают миллионами и ползут под защиту ближайшего диктатора, мозгового треста или другого какого-нибудь самозванного защитника. Это явление может быть сравнено с дикой паникой стад животных, с паникой рогатого скота в швейцарских горах, например, когда животными внезапно овладевает паника, и они бросаются в пропасть. Можно также сравнить это явление с тем редким случаем среди людей, который произошел в 1789 году и получил название «великого страха»: вскоре после разрушения Бастилии в Париже необъяснимые коллективные нервные припадки волною прошли по городам французской провин-

ции, при чем жители закрывали ворота, брали оружие и организовывали защиту против неизвестной и невидимой опасности. Лопнула струна, власть сошла с ума, и разрушение приняло мировые размеры.

Власть была величайшим врагом человека во все времена. Наконец, в середине XVIII века, после столь многочисленных отважных изолированных покушений, власть стала подвергаться коллективным нападениям целой фаланги мыслителей, целых наций, боровшихся за независимость. На власть стали нападать наиболее угнетенные классы на-селения, крестьяне и ремесленники, гуманные и преданные борцы во всех областях человеческой деятельности. Жестокие кодексы обычаев и привычек, религиозные оковы, извращенное воспитание, все было отмечено или потрясено. Правда, все это делалось не повсюду, это верно, и об этом не следует забывать. Все же это было сделано в наиболее развитых странах лучшими людьми, которые в то время внушали уважение также и многим другим из тех отсталых людей, которые до поры до времени стояли в стороне, выжидая, чтобы узнать, чем кончится великая борьба за прогресс.

Во второй половине XVIII века люди видели перед собой спасение ближе, чем когда бы то ни было раньше и, к несчастью, чем когда бы то ни было после того. Великие дела были совершены в те времена и позднее, но препятствия были слишком велики, полная победа была невозможна, и широкий мощный поток разбился на ручейки, быстро утратившие свою первоначальную силу. Препятствия выросли снова и, наконец, достигли современных размеров, когда они закрывают путь к прогрессу почти с такой же силой, как и в минувшие века.

Быть может, не следует «плакать над разлитым молоком», но анализ причин великого заблуждения никогда не бывает неуместным, ибо враждебные силы редко бывают единственной причиной бедствий.

Ошибки делаем мы сами, хотя мы не всегда признаемся в этом. Признание ошибок может быть полезно, по крайней мере, тем, кто не желает повторять их и кто не слишком горд для того, чтобы признать правильность старой поговорки: «лучше поздно, чем никогда». Очень часто мы пытаемся стать под защиту воображаемых причин, в то время, как ошибка находится гораздо ближе.

Особенно модно скрывать наши недостатки с помощью большого пыльного облака «экономических» доводов, которые во многих случаях имеют не большее значение, чем шаблонные извинения; тем не менее, доводы такого рода производят некоторое впечатление на людей, не имеющих возможности проверить их. Манипуляции «экономически-ми» доводами лишь умаляют и унижают нас самих и мешают нам видеть многие экономические и интеллектуальные факторы, имеющие первостепенное значение.

Гуманисты и бунтари XVIII века ставили себе целью полное пробуждение, возрождение и освобождение человека. Они знали, что самые напряженные усилия необходимы и что к поставленной ими цели нет кратчайших, «царских», путей, нет единоспасающих средств в их распоряжении, что только тяжелой и настойчивой работой можно добить-ся осуществления цели, которую они выдвинули, как отважные пионеры. Они не создавали социалистических платформ и не возлагали своих надежд исключительно на трудящиеся классы.

Они знали, что борьба идет между развивающимися прогрессивными частями человечества и их вечными угнетателями и эксплуататорами — привилегированными и богатейшими элементами, в то время, как огромные массы неразвитых людей, жертв пренебрежения и лишений на протяжении веков, все еще лишены значения и обычно являются послушным орудием в руках власти имущих.

Эти массы все более тяготеют своей нищетой и застоєм, но и до сих пор еще не настолько пробудились, чтобы быть решительными и способными сторонниками прогресса. Старый порядок был сильно потрясен в те годы. Значительные массы народа участвовали в этом, другие же стояли в стороне. Возможность новых привилегий, новых взяток, новой власти явилась и была с жадностью использована образованными, но низко стоявшими в нравственном отношении людьми. Результаты были неудовлетворительны и, например, во Франции после многих подъемов и упадков движения, периодов самой суровой диктатуры (Наполеон), мрачнейшего клерикализма (Людовик XVIII, Карл X), только июльская революция 1830 года повысила уровень современной жизни до той высоты, на которой она потом развивалась в течение века, вплоть до нашего времени, сопровождаясь дальнейшими подъемами и упадками и предвещая такой же ход движения и в дальнейшем.

Великая борьба была действительно успешна там, где она велась непрерывно, как, например, в области науки. Наука была запрещенной книгой всего лишь несколько веков тому назад. Она была под властью религии, была обречена на застой в пределах учения Аристотеля и идей Библии, в руках рутинеров-компиляторов. Она завоевала полную свободу развития и выработала целесообразные инструменты и методов, разрослась во всех направлениях, проникла повсюду, создала чудесную технику и указала способы ее наиболее полезного применения.

Искусство также освободилось и развилось. Моральные пути были сброшены. Личная жизнь стала независимой, защищенной и во многих отношениях вылилась в новые формы. Но даже эти результаты, столь осязательно благодетельные для всех, находятся в опасности теперь.

Наука работает теперь на службе у капитала или в интересах государств. Она унижена до роли орудия, совершающего «благородное искусство убийства», содействующего военным снаряжениям и приготовлениям к массовым отравлениям. Искусство — в руках спекулянтов, поставщиков для вульгарного массового заказчика. Оно находится в зависимости от финансовых интересов фабрикантов фильма и других таких же интересов, которые подвергают искусство цензуре худшей, чем цензура средних веков. Мораль и частная жизнь опять попали под контроль государства и организованных лицемеров. Даже человеческое тело, в прошлом остававшееся нетронутым, теперь подвергается принудительным операциям и калечению по приказу стоящих у власти ханжей. Тем более должны мы ценить предыдущий период развития, по крайней мере, 150 лет, приблизительно до 1900 года, когда наука, искусство, новая мораль и частная жизнь казались освобожденными навсегда.

Прогресс по необходимости шел значительно медленнее там, где дело шло о коллективных мероприятиях, зависевших не только от инициативы передовых людей, но бывших неотделимыми от искреннего содействия менее развитых и вовсе неразвитых людей.

Демократические учреждения были шагом вперед от абсолютизма, но когда избиратели отдавали свои голоса консерваторам и реакционерам, то они лишь утверждали власть реакции. Таким путем, действуя по указке своих же врагов, богатых классов, избиратели постепенно наново выковали для себя цепи, от которых великодушный XVIII век освободил их.

Так обстояло дело во всех социальных вопросах: каждый шаг действительного прогресса принижался и искажался теми, кто не был достаточно умен, чтобы его использовать. Земельная собственность аристократии во Франции стала доступной для крестьян, но сделалась в значительной степени добычей новых спекулянтов, новых мелких монополистов, кулаков-крестьян, и они, стремясь удержать за собой приобретенную собственность, сделались самыми горячими сторонниками наполеоновской диктатуры и открыли путь к высшей власти двум императорам: Наполеону I и III. Это урок в том смысле, что самые благонамеренные и разумные учреждения, реформы и т.д. на деле оказываются не имеющими прогрессивного значения, если их отдают во власть недоразвитых людей, не руководящихся волею к прогрессу и не вдохновленных чувством бескорыстия.

Анархизм мог лишь излагаться людям того времени в качестве высшего и ясного довода против государства и иной тирании и в качестве правильной линии нравственного поведения для свободных людей. Так поступали Дидро, Лессинг и некоторые другие мыслители.

Когда революция 1789 года во Франции приняла крупные размеры, но еще не окончательно попала под власть сменявшихся авторитарных партий, Вильям Годвин резюмировал все самое лучшее, что можно было посоветовать новообразующемуся свободному обществу в своей великой книге «Политическая справедливость», напечатанной в феврале 1793 года. В этой книге Годвин изложил гуманитарные, интеллектуальные, этические, социалистические и анархические идеалы своего времени. Много лет спустя, когда авторитарное направление революции стало ясным для всех, Сен-Симон и Фурье формулировали свои взгляды на социальный прогресс, и первый из них обосновал свое учение на авторитарном базисе, так как он находился под сильным влиянием современной ему государственной, промышленной, финансовой и идеологической жизни, в то время как Фурье, воздерживаясь совершенно от рассуждений на эти темы (хотя он чрезвычайно ими интересовался), предложил свой собственный проект дальнейшего развития, обоснованный вплоть до деталей на его личном опыте и тонких наблюдениях.

Таким образом, идеалистический реализм Годвина не был использован в то время. Социализм начал распространяться во множестве различных версий, которые не могли прийти и никогда не приходили к соглашению и единому пониманию. У большинства из этих ранних социалистов преобладал не научный дух, приветствующий параллельные попытки и поощряющий исследования, а теологический и пророческий дух, провозглашающий символы веры и убежденный в том, что пророчествуется непогрешимую истину. Это ослабило влияние различных социалистических групп.

Стремясь противодействовать этому и не полагаясь лишь на своих убежденных сторонников, люди, действительно проникнутые социалистическим сознанием (революционным или экспериментальным), стали возлагать свои надежды на большие

группы людей — на весь рабочий класс, на народ, а также на своеобразно понятый ход развития, на исторические предвидения и т. д. Все это были по большей части очень умные рассуждения, но принять их можно было лишь в качестве гипотез. При том же эти гипотезы часто опровергались новыми фактами.

В таких условиях социалистические воззрения выражали в самом широком смысле личные желания, надежды и стремления тех, кто их формулировал. Их большее или меньшее распространение зависело больше от случайностей, определяющих степень популярности новых идей, чем от их внутренней ценности.

Все то, что в области науки устраняет малоценные выводы и проверяет, усиливает и подтверждает истинно ценное достижение, здесь отсутствовало. Поэтому интеллектуальная разработка социализма развивалась очень медленно и сбивчиво, не говоря уже о препятствиях в виде предрассудков, преследований, об огромной роли личного элемента, несдерживаемых страстей и других чувств, увлекающих народные массы и членский состав организаций и толкающих их к одобрению предлагаемых им новых идей. Во многих случаях, каждый старался сделать все, что мог, но мнения и взгляды неизбежно оказывались несходными. При том же, временное народное единодушие вовсе не является гарантией правильности нового плана.

Метод, к которому обращались некоторые с целью устранить неспособных, по их мнению, людей с помощью убийства, а также путем кажущихся опровержений и отвержений, оказался ненадежным. Маркс стал палачом по преимуществу, — тем человеком, который беспощадно уничтожал не нравившиеся ему социалистические системы и заменял их все своими личными воззрениями. На протяжении всей своей жизни он упорно понуждал других принять то, что было названо «научным социализмом».

В сущности, как мы это теперь знаем во всех подробностях после того, как пролит был полный свет на почти все события его жизни и на развитие его мысли, он целиком отверг социализм, как продукт сект, изобретателей, шарлатанов, и уверовал только в автоматическую эволюцию в том виде, в каком он ее изобразил в 1844 году. Он уверовал также в вероятность и неизбежность захвата власти, — в то, что в ходе эволюции такая возможность скоро представится рабочему классу, представленному или пар-ламентарным большинством, или диктатурой.

Эта соблазнительная доктрина казалась привлекательной массам, которым оставалось только голосовать и присоединяться к организациям, а также многим честолюбивым людям, которым, таким образом, открылась возможность обеспеченных парламентских карьер, а при случае и занятие государственных должностей и даже захвата дик-таторской власти. Но эта доктрина была основана на отрицании подлинно социалистической борьбы, на пренебрежении к свободе, на пассивности неразвитых, но дисциплинированных масс. Такая доктрина никогда не может привести к социализму, а только к новой правительственной системе, с новыми господами, с новым высшим классом, которые будут держать народ в постоянном повиновении, при содействии бюрократической иерархии, располагающей всеми средствами руководить жизнью народа в соответствии с желаниями правящего класса.

Такова нынешняя Россия, которая, хотя и выкрашена в ярко-красный цвет, не является социалистической страной. И хотя Маркс был принужден устроить избиение социалистических теоретиков путем литературных «опровержений», а марксисты

вынуждены были вести с ними борьбу путем кляуз и расколов в организациях, все же они теперь, когда государственная власть в их руках, принуждены к молчанию, если не вовсе искалечены физически и не уничтожены тюрьмой, ссылкой и казнью по способам царизма.

Таким образом, неполные формы социализма, т.е. такие формы его, которые не вытекают из свободы и не вдохновляются действительно прогрессивными побуждениями, либо вымирают, либо поглощаются этим так называемым «научным социализмом». На деле этот «социализм» оказался могилою всякого социализма и ни к чему другому не мог привести, кроме как к диктатуре над всеми трудящимися массами, над всей жизнью народа, — ни к чему, кроме псевдо-социалистического царизма, который я описал выше.

Авторитарный социализм, таким образом, отвернулся от социализма и на много лет превратился в партию сегодняшних классовых интересов труда и, что менее подчеркивалось, стал партией завоевания классовой власти, отождествления рабочей бюрократии с государством. Для этого прилагались все средства, завоевание должностей в настоящем и будущем государстве или диктатура над рабочими, крестьянами и всем остальным населением, если представится благоприятный случай захватить абсолютную власть.

Не приходится удивляться, что к таким возможностям жадно стремились также и авантюристы из числа реакционеров. Они оказались удачливее бывших социалистов в деле создания и использования возможностей. Таким путем фашисты завладели властью в больших государствах Европы, оказали в той или иной степени содействие диктаторам во многих других странах и теперь неустанно работают не меньше и даже больше, чем так называемые коммунисты, с целью захвата полной власти над остальными странами. Они действуют с такой же развязанностью, с какой пираты захватывают суда, или с какою тираны Возрождения захватывали высшую власть в итальянских городах, или как конквистадоры захватывали индейские государства в Америке XVI столетия.

Маркс был в сущности первым Каином, убившим своих братьев социалистов «теоретически». Позднее, организованные социалисты сражались с анархистами и преследовали их и других независимых социалистов повсюду. Затем некоторые из этих социалистов захватили высшую власть над огромной страной и превратили жизнь в ад для всех, кто не преклонился перед ними. А потом эти другие элементы, сверх-авторитарные фашисты, одолели социалистов в их собственной игре, и фашистский железный горшок разбил марксистский глиняный горшок одним ударом, не встретив почти никакого сопротивления. Такой фатальный ход развития был неизбежным результатом всего хода развития, какой открывается теперь перед нашими глазами на протяжении почти столетия.

Мы дожили до того времени, когда каждое слово критических замечаний Прудона и Бакунина оказалось верным. Мы видим, как от государственного социализма осталось лишь государство, более сильно укрепленное, чем когда бы то ни было, и как от властнического социализма осталась лишь власть, прибегающая к приемам возвращающим человека назад, в состояние рабства худшего, чем древний восточный деспотизм.

Социализм имел быть движением вперед, к светлому будущему, а на деле он создал для масс условия абсолютного рабства по образцу мрачных веков истории. Если когда-либо был пример жестокой неудачи, то сейчас он превзойден перед нашими глазами. В узкой системе Маркса не было места для свободы. Для Ленина свобода была буржуазной идеей. В настоящее время запрещена даже мысль о свободе, а диктаторы стали привычными словами, домашними идолами, иконами, даже в стране, которая была свободнейшей из республик.

Не все потеряно, ибо сохранилось еще в человечестве много живых сил: их дело следить за тем, чтобы этот, мрачный ночной кошмар остался лишь эпизодом в истории и не принес бы длительного ущерба человечеству. Это целиком зависит от усилий этих здоровых элементов. Они должны рассматривать положение холодно, реалистически, с полной надеждой. После всего, то, что назрело и вскрылось в наши дни, было лишь результатом уклона в развитии человечества на протяжении долгого времени.

Когда зародыши болезни проникают в тело, то болезнь развивается своим естественным ходом и не может быть устранена или избегнута, а должна дойти до полного созревания и кризиса, после чего пути разделяются и болезнь может одержать победу над ослабленным телом, или же тело, надлежащим образом укрепленное, может одолеть зло. На этой стадии развития мы достигли пределов авторитарного безумия. Справится ли социальное тело с болезнью, или само будет пожрано ею и сгниет?

Если мы исследуем главные недостатки авторитарного социализма, то найдем, во-первых, что он пренебрег свободой во всех ее формах, сражался с нею и забывал, что человеческий прогресс обязан своим движением вперед свободной мысли, исследованию, опыту, активности, — одним словом, той либеральной среде, которая стала возникать, начиная приблизительно с 1750 года в Европе и Америке. Если фашисты в настоящее время забрасывают либерализм оскорблениями, то они лишь повторяют то, что все эти социалисты делали раньше, на протяжении поколений, считая, что вечный вопрос о свободе разрешен тем, что они поносят либерального буржуа и «анархический беспорядок и хаос». Таким путем они восстановили рабство, сначала умственное, а потом физическое, к победе над которым прилагал все свои усилия в мысли и действии человек 1750, 1789, 1848 годов.

Вторую фатальную ошибку была вера, что старые учреждения могут быть пополнены новым духом и стать руководящим элементом нового общества. Это было приблизительно так же практично, как если бы какой-нибудь город, переходя от газа к электричеству, вздумал сохранить и использовать газовые трубопроводы для проведения электрического тока. Ясно, что этого сделать нельзя и что старое устройство непригодно для новой цели.

Сколько бы социалистов ни посадить на государственные должности или даже на министерские должности, они попросту станут слугами государства, угаснут и перестанут существовать, как социалисты. Социалистический электрический ток не может проходить по газовым трубопроводам старых учреждений. Таким путем социалисты превратили некоторых из своих лучших людей в посредственных бюрократов, светочи же менее крупных размеров, искавшие лишь рутинной работы, чувствуют

себя дома на любой должности. Как торжествовали они, когда увеличивалось число их должностных лиц, и каким зловещим фарсом все это было на самом деле!

Они безнадежно запутали классовый вопрос. Им удалось превратить в своих худших врагов половину полезных производителей, крестьян, которые, в конце концов, сделались главной опорой реакции в большинстве стран. Со всей их самозваной «наукой» они никогда не знали, следует ли считать крестьянина производителем или эксплуататором, и следовало ли дать им землю, или оставить ее в прежних руках, или же отнять ее у них. Не знали, следует ли считать крестьян врагами, или друзьями. Там, где они у власти, как, например, в России, крестьян то поощряют, то преследуют, их оскорбляют или им мстят, коллективизируют их, или поощряют индивидуальное хозяйство. Поистине, они не знают, что делать и никогда этого не знали.

Поэтому крестьяне, в сущности, никогда не знали, чего ожидать от социализма — разверстки или возможности свободного развития. Именно работе крестьян, на их участках земли, как бы заброшены и обособлены они ни были, обязаны города своими возможностями культурного развития, интеллектуальной и гражданской жизни.

Таким образом, крестьянин остался в огромной степени отделенным от современной жизни и приобрел особую психологию, ставшую, при нынешнем положении вещей, фактом, который делает его во многих отношениях недоступным для прогрессивных течений и доступным для консервативных влияний всякой реакции. Он глубоко не сочувствует всякому непрошенному вмешательству извне, всякому совету или принуждению, исходит ли оно от друзей или от врагов. Авторитарные социалисты никогда не обладали достаточным тактом, чтобы установить хотя бы разговорные отношения с крестьянами, за исключением, быть может, немногих преданных народников, которые, — по крайней мере, лучшие из них, — сами стали почти крестьянами.

Либертарные социалисты, напротив, всегда имели широкие возможности придти к соглашению с крестьянами. Бакунин, воспитавшийся в деревенской обстановке, и Прудон, потомок крестьян, воспитавшийся в полукрестьянской среде, хорошо понимали крестьян, тогда как Маркс и Энгельс, родившиеся в семьях горожан, не научились пони-мать их, как следует, и не стремились к этому.

Кропоткин, итальянские и испанские анархисты, Реклю (родом из крестьянского округа юго-запада Франции) все они были близки к крестьянам, понимали их нравы, уважали их независимость, не имели желаний навязать им воображаемые выгоды какого-либо государства, даже социалистического государства. Они помнили о восстаниях в прошлом и возлагали свои надежды на восстания революционных крестьян. Так поступал Бакунин в Германии (1848), в России, Италии и в Испании.

Четвертой большой ошибкой Маркса и Энгельса было то, что они действовали под впечатлением картин жизни рабочего класса, скученного на фабриках Манчестера в 1844-45 г. Рабочие представляли собой, по внешности, однородную массу, активную и в те годы организованную в тред-юнионы и в чартистские демократические союзы.

Эти союзы всегда представляли собою передовое меньшинство, а фабричные массы были разношерстным объединением случайных людей, а не классово-сознательной организации, обещавшей вскоре превратиться в пролетарскую армию, как воображали эти гости с континента. В действительности, отборные

отряды рабочего класса действовали не здесь, а в Париже, где они появились в дни 1789 года и даже раньше часто отважно выступали в первых рядах.

Однако широкие народные массы гораздо охотнее выступали там на следующий день после побед, одержанных активным меньшинством, и в праздничные дни, когда праздновалась победа и когда все чувствовали себя спокойными и в безопасности.

Представление о классе, как о сознательной прогрессивной силе, является оптической иллюзией. Буржуа также одержали свои победы благодаря активным меньшинствам, а не в результате массовой борьбы. Так же обстоит дело и с рабочими. Прогресс будет защищаться и двигаться вперед бескорыстными меньшинствами рабочих, крестьян, технических рабочих, буржуа и даже аристократов, в то время, как гораздо более значительное большинство этих же самых классов будет продолжать относиться к прогрессу с пренебрежением или будет противодействовать ему.

На мой взгляд трудно определить, какой из названных выше классов или категорий выдвинет наибольший процент истинных друзей прогресса. Классовое происхождение не помешало Бакунину и Кропоткину стать революционерами так же, как не мешает оно широким массам рабочих оставаться совершенно недоступными всякому передовому учению.

Пятой роковой ошибкой была и остается тотальность, которую провозгласили не только победившие в нескольких странах реакционеры, но которая стала неотъемлемым свойством также и всех социалистических исповеданий веры. Некоторая доля расплывчатой солидарности существует (или существовала) до тех пор, пока все бедны и бессильны.

Но как только какой-нибудь оттенок социализма одерживает победу, на сцену появляются исключительность, нетерпимость и тотализм: добыча оказывается принадлежащей только ему одному, а все другие оттенки оказываются врагами. Так собака свирепо защищает найденную ею кость против всех других собак. Так большевики, захвативши Россию в 1917 году, пользовались ею для себя, а другие социалисты, анархисты, революционеры всех оттенков, на протяжении столетия подготовлявшие эту победу неслыханными усилиями и жертвами, были устранены и вскоре стали «врагами» общества, которых начали преследовать. Там, где подобные антиэтические обычаи преобладают и не признаются печальными ошибками на протяжении 18-ти лет, там, конечно, не может развиваться нормальная общественная жизнь и страна обречена на то, чтобы быть населенной рабами и погонщиками рабов.

Маркс сам указал этот путь, борясь против всех других социалистов, пытаясь изобразить их нелепыми и достойными презрения. Но и до Маркса было много споров за преобладание и резкостей по адресу несогласных. Этот спор за преобладание был сектантским спором, а не спором, какой естественно возникает, когда различные мнения высказываются о новом, мало изученном, вопросе.

Путь к науке лежит в направлении к научным методам, а не в усилении соперничества и борьбы, или в провозглашении своих собственных мнений «научными». Самым несговорчивым из всех социалистических спорщиков был Маркс, каким он оставался всю свою жизнь. Такого рода социализм стал, в конце концов, верою, пропагандируемую фанатиками. Так создавалась монополия мнений, приводившая

к остановке развития и обречению на свержение ее людьми еще более фанатичными. Именно это и случилось в большом масштабе с марксизмом.

Да будет это достаточным, чтобы показать безнадежную недостаточность авторитарного социализма, его *contradiction in adjecto*, живое противоречие, — ибо свободная общественная жизнь и власть совершенно несовместимы. Теперь взглянем на не-авторитарные формы социализма. Они встретили помехи на пути своего развития со стороны властников, а также со стороны тех пережитков властничества, которые живут в нас, продуктах нынешнего времени, сознаем ли мы это или не сознаем. Следовательно, то, что было или могло быть сделано до сего времени, — лишь шаги в правильном направлении, усилия найти правильный путь; ничего определенного, ничего такого, что мы могли бы изобразить, как готовое лекарство. Мы не настолько тупы, чтобы верить в универсальные средства от болезней. Об этом должны помнить все те, кто намерен спросить нас, каковы наши планы и платформы, практические шаги и проч. Пусть спрашивающие обратятся со всеми вопросами в лавочку диктатора через дорогу: у него все это готово, на складе, в бутылках и пилюлях, — мы же этого не имеем.

Кто прогрессивно настроен и понимает, каковы пути успешной деятельности во всех областях, знает, что всякую хорошую вещь нужно изучить, испытать, применить, ибо воспитание лежит в основе всякого искусства. Кто говорит, что современная жизнь движется более быстрым шагом, тот является лишь несчастной жертвой механизации нашего времени в интересах капиталистического производства, государственных армий и производства промышленных рабочих-автоматов. Если человек, брошенный в этот водоворот, не обладает крепкой моральной и интеллектуальной закваской, чтобы сопротивляться и воспитать себя, чтобы снова стать свободным, — он погиб: он превратится в пыль под пятою диктаторов. Можно спастись лишь в том случае, если двигаться более медленным шагом.

Если бы это делали многие, то ускоренное развитие механизации натолкнулось бы на недостаток в человеческом топливе, механизм стал бы вертеться в пустоте и остановился бы. Напротив того, дальнейшая механизация за счет человеческих мозгов и нервов может создать лишь безнадежных калек миллионами и сделать их жалкими рабами сильных поколений погонщиков рабов, небольшого числа экспертов-техников и привилегированных искусных механиков, а также большого числа свободных от труда капиталистов. Таким образом те, у кого наберется достаточно энергии, чтобы стоять в стороне от этого бега к гибели, будут чувствовать себя как бы в тихом пристанище, если они начнут знакомиться с некоторыми произведениями свободного социализма. Примутся ли они за чтение замечательных избранных сочинений, или брошюр Вольтерины де-Клэйр, или последних томов труда Элизе Реклю «Человек и Земля», или некоторых произведений Бакунина, или прекрасных произведений Кропоткина, или богатых фактами и идеями брошюр Малатесты и других писателей из числа тех, которых можно назвать «классиками анархизма», — они почувствуют себя на новой земле, в новом мире. В этих основных книгах прочтите с надлежащим вниманием о тех условиях места и времени, в которых они были написаны.

Эти книги дают не только печатное изложение учений и прямые указания, — они описывают также обширное поле анархической мысли, трудности, встречаемые

в деле раз-работки этих идей в условиях авторитарного мира. Внимательный читатель научится независимо мыслить и разовьет в себе стремление к высокому строю чувств. Интеллекту-альная честность и этическая ценность этих книг огромна, хотя основные мысли и результаты должны быть открыты для критики во всякое время. Даже если авторы, сами будучи пропагандистами, иногда как будто стремятся одолеть читателя путем убеждающего красноречия, все же читатель не должен поддаваться этому влиянию, а должен пытаться, путем самостоятельного изучения, выработать в себе способность к самостоятельному суждению и плодотворной критике. Что касается брошюр, то они также часто являются «классическими». Иногда их ценность менее значительна — тем более необходимо подвергать их критике.

Правильный путь, как мне кажется, состоит в том, чтобы начинать с лучших книг, которые следует читать очень усердно. Затем следует читать другие хорошие книги общего содержания, а потом, накопив некоторый опыт, нужно прочитать самые лучшие книги наново, и тогда они будут лучше поняты и более критически продуманы. Только после этого можно приняться за чтение брошюр и газет со смыслом и пользой, и лишь тогда чтение оставит по себе более прочные следы, чем мимолетное ознакомление с ними. Тогда станет понятно, почему анархисты не занимаются составлением подробных планов и тому подобное: их легко составлять, опираясь на поддержку власти и на общественные фонды; все же анархисты имеют много чего сказать народу о настоящем кризисе. Однако, после того, как этическое и интеллектуальное содействие было ему оказано и сделало его восприимчивым к новым идеям, читатель должен сам поразмыслить и действовать, индивидуально и коллективно.

Нельзя ожидать, что ряды либертеров, разреженные систематической обструкцией авторитарных социалистов, повсеместными преследованиями со стороны власти, а также отходом некоторых к тому, что я считаю полурешениями и неосуществимыми решениями, быстро будут заполнены.

Предварительно необходимо серьезно приступить к делу. Это применимо в равной степени к повторным попыткам во всяком либертарном и гуманитарном деле, во всякой форме добровольной прямой активности, индивидуальной и коллективной.

На протяжении столь многих лет политика властников состояла в том, чтобы уменьшать значение таких попыток, требовать доверия только к тоталитарной активности в крупном масштабе, — такой деятельности они сами никогда не умели создать, но они косвенно вдохновляли широкие массы неразвитых людей с авторитарными наклон-ностями. Теперь эти массы пошли дальше своих вдохновителей и нанесли им столь многозначительное поражение. Кооперация, хотя бы лишь в деле распределения, а не про-изводства, является одним из немногих достижений добровольного характера, которые не погибли под этим сокрушительным натиском на социалистов.

Много других добровольных движений, однако, были таким путем остановлены. Их задача теперь в том, чтобы снова подняться, ибо их дело — доброе дело, и это никогда не было опровергнуто, им только придали вид незначительных движений перед лицом авторитарного хвостовства, угроз и неосуществленных обещаний. Истинно хорошие движения такого рода не становятся устарелыми и ненужными лишь в силу того, что разговоры об эволюции начинают вести люди, которые были и остались

неподвижными и окаменевшими, как, например, авторитарные социалисты. Маркс никогда ничего не создавал и стал известен лишь благодаря тому, что уничтожил все вокруг себя и оказался социалистическим Геростратом, изолированным от всех. От всего им сделанного ничего не осталось, и настоящая работа должна быть начата вновь, с надеждой и волей.

Легко было бы восторжествовать победу, отбросив все эти рассуждения и доводы, — разумеется, открытые для критики, — путем возражений экономического характера, т.е. путем указания на то, что эти рассуждения не указывают немедленных экономических средств выхода из кризиса, — или путем возражения в том смысле, что люди в настоящее время слишком измучены и бедны для того, чтобы посвящать свое время и мысли интеллектуальному и этическому воспитанию и совершенствованию, — или путем возражений, основанных на ныне существующих отношениях, там и здесь сохранившихся между либертерами и властниками, где последние оставили за собой свободу действий.

Такие отношения всегда были неискренними и не приводили к цельному пониманию, которое в сущности невозможно, — разве лишь, если либертеры уступят во всем.

Этот вопрос слишком значителен и серьезен в наше время для того, чтобы смягчить его постановку. Властники всех оттенков, реакционеры и большевики развернули свое пиратское знамя и ведут атаку на все человечество, стремясь уничтожить все плоды славного периода человеческого прогресса, золотой интеллектуальный век человека.

От либералов до либертеров, каждая мыслящая голова, каждое чувствующее сердце и сражающаяся рука должны теперь чувствовать, что они призваны сопротивляться, устраняя все те пустяковые разногласия, которые разделяют их перед лицом действительной опасности.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Неттлау
Крушение авторитарного социализма на пути к новой прогрессивной деятельности
1935

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-11.htm>

ru.theanarchistlibrary.org